

И.С. ЮХНОВА

*(Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия)*

УДК 821.161.1.02
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-3

СУДЬБА ЛЕРМОНТОВА КАК СЮЖЕТ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. Объектом исследования стали произведения современных авторов, написанные на материале биографии Лермонтова. Доказывается, что в отечественной литературе сформировался «лермонтовский сюжет», выявлены этапы его развития. Показывается, что в массовой беллетристике наблюдается игнорирование принципа исторической достоверности, сращение биографического повествования с жанрами детектива и любовного романа.

Ключевые слова: Лермонтов, массовая литература, сюжет, беллетристика, миф.

Биография Лермонтова – востребованный сюжет в нашей литературе. Короткая, яркая, трагически оборванная жизнь поэта, ранняя смерть его матери, разлука с отцом, невозможность в тот короткий срок, который был ему отпущен, жить и творить там, где хочет сам поэт, а не там, где он вынужден был находиться «по казенной надобности», – все это просилось на страницы литературного произведения. Не случайно уже при жизни Лермонтова появилась повесть В.Соллогуба «Большой свет», образ главного героя которой (крайне тенденциозный) напрямую соотносили с поэтом. А затем каждая эпоха создавала «своего» Лермонтова. При этом характер интерпретации его судьбы не столько раскрывал поэта как творческую личность, сколько отражал свою эпоху. Так произошло, например, на рубеже 1920-1930-х годов. В это время были востребованы героические и трагические факты биографии Лермонтова. В произведениях С.Н. Сергеева-Ценского, К.А. Большакова, П.А. Павленко он выступал как оппонент царского режима, как внутренне свободный человек в условиях глобальной несвободы. Не случайно одно из произведений называлось «Бегство пленных». В нем появляется персонаж, пути которого пересекаются с Лермонтовым каждый раз, когда герой оказывается на жизненном перекрестке и должен сделать выбор. И если выбор Самсонова – это всегда путь к несвободе (он оказывается в плену семейном, служебном, психологическом, хотя поднимается по служебной лестнице; на первый взгляд, удачно и по взаимной симпатии женится), то путь поэта, который находится в тисках военной службы, – это путь человека, ко-

торый подчиняет себе обстоятельства, не подавлен ими. Взгляд Лермонтова преследует Самсонова, становится воплощением «внутренней совести», которую постепенно изживает в себе герой. На эти произведения большое влияние оказала мистификация Павла Петровича Вяземского «Письма и записки» Омер де Гелль» (1887). В ней Лермонтов предстал как «гордый, одинокий и загадочный романтический гений, способный на экстравагантные поступки и насмешливо глядящий на светскую толпу» [Немзер 1990: 10].

В 1970-е годы также появляются интересные интерпретации судьбы Лермонтова: в 1970-1975 гг. Г. Гулия создает книгу-роман «Жизнь и смерть Михаила Лермонтова». В 1973 году в журнале «Смена» печатается повесть Б. Ахмадулиной «Лермонтов. Из архива семейства Р.» и выходит в свет повесть А. Титова «Лето на водах». В 1976-78 гг. Б.Ш. Окуджава пишет роман «Путешествие дилетантов». И они тоже ярко отражают свое время.

Если в произведениях рубежа 1920-1930-х годов Лермонтов активно взаимодействует с внешним миром; он деятель, проявляющий себя в поступке, то в 1970-е годы акцент сделан на внутренней жизни человека, а в повествовании намечается второй план. Так, Г. Гулия выстраивает в своем романе библейский контекст: в результате формируется внутренний сюжет пророка, гения, который пришел в мир, а мир его не распознал. В центре внимания Б. Ахмадулиной – психология тех, кто оказался причастен к событиям гибели поэта. В «Путешествии дилетантов» действие происходит после гибели поэта, однако главный герой Мятлев ощущает его присутствие. В его памяти рождается воспоминание о «гусарском поручике», о его гибели. Он снова оказывается в том полку, где закончил свой путь поэт. Он пишет записки («Memoires»), которые по своей сути являются не воспоминанием о прошлом, а диалогом-спором с настоящим, способом самовыражения, осознания личного взаимодействия с эпохой, временем, властью. Как признается себе Мятлев, он «писал не столько об убитом товарище, сколько сводил с царём личные счёты».

В настоящее время наблюдается очередная волна интереса писателей к биографии Лермонтова, появляется огромное количество текстов разного рода, в которых поэт выступает как действующее лицо. Можно даже говорить о том, что судьба Лермонтова стала излюбленным сюжетом массовой литературы¹. В 2006 году выходит роман

---

¹ Мы не говорим о лермонтовских мотивах или лермонтовской традиции в творчестве современных авторов. Это самостоятельная тема, которая активно разрабатывается исследователями. См., например: [Расторгуева 2009: 12-16;

Е. Хаецкой «Мишель», позже она же выпускает биографию поэта, рассчитанную на широкого читателя. В 2010 году Б. Акунин (А. Брусникин) публикует роман «Герой иного времени», действие которого происходит в Пятигорске через год после дуэли [см.: Юхнова 2013: 159-166]. В 2012 году появляется роман М. Казовского «Лермонтов и его женщины: украинка, черкешенка, шведка...». При этом публикуется множество псевдонаучных и якобы документальных книг (по сути, по аналогии с массовой литературой формируется массовое литературоведение). В них расследуются обстоятельства дуэли, расшифровываются произведения Лермонтова как тайные послания в духе конспирологического романа, продолжают поиски истинной любовной страсти поэта.

Нередко биография Лермонтова излагается дилетантами – людьми, которые всю свою жизнь были страстно увлечены не столько творчеством, сколько личностью поэта. А поскольку многие из них – военные в отставке, то их интерес направлен или к военной биографии, или к теории заговора в отношении поэта. При этом обязательно подчеркивается, что в своих разысканиях они опираются на архивные документы, однако принципиально новых фактов, которые не были бы известны лермонтоведам, в научный оборот не вводится.

В результате доминирующим принципом организации лермонтовского сюжета в литературе, ориентированной на широкого читателя, становится его сращение либо с детективом, либо с любовным романом. На этот факт сами авторы указывают особо, когда анонсируют свои творения. Так, Д.А. Алексеев зазывает читателей книги ««Демон». Тайна кода Лермонтова» таким образом: «Эта книга – захватывающий литературоведческий детектив о поисках женщин-адресатов поэмы Лермонтова “Демон”...».

Детективная интрига в них прочерчивается в духе нашего, а не николаевского времени. Болезнь современного общества – коррупция, в результате Лермонтов в низовой беллетристике вступает в бой с системой: пытается разоблачить темные операции с оружием и тем самым переходит дорогу либо высокопоставленным особам (в романе Е. Хаецкой князь Васильчиков командирован отцом на Кавказ для инспектирования незаконных сделок), либо мешает «серым кардиналам» – незаметным чиновникам, которые обеспечивают свое финансовое благополучие контрабандой. Так намечается и развивается теория заговора, которая время от времени все в новых вариантах ранимирует-

---

Семенова 2013: 151-158; Папоркова 2008: 147-149, Папоркова 2012: 234-238; Плисс 2013: 161-167 и др.].

ся дилетантами от лермонтоведения. Однако собственно детективный сюжет в таких произведениях оказывается лишь намеченным: не получает развития линия расследования, нет психологического или интеллектуального поединка с преступником и т.д.

Поиски сокровенной любви Лермонтова осуществляются, конечно же, в рамках любовного романа. По какому пути движутся авторы? Расширяют список имен. И прежде всего за счет вовлечения в него особ из дома Николая I. Так, автор книги о тайном коде «Демона» пытается путем анализа датировок доказать, что одним из адресатов поэмы была великая княжна Мария Николаевна. В романе Казовского Мария Николаевна также занимает серьезное место. Она расположена к Лермонтову. Видя увлечение поэта другими красавицами, испытывает муки ревности, а потому мстит: Соллогуб по ее заданию, чтобы унижить Лермонтова, пишет повесть «Большой свет».

Примечательно, что истоки подобных поворотов сюжета – в серьезных, фундаментальных исследованиях, в частности, в работах В. Мануйлова, И. Андроникова, Т. Ивановой, Э. Герштейн и др. Много черпается из «Лермонтовской энциклопедии». Те предположения, которые там высказывались осторожно, с указанием, что они не подкреплены вызывающими доверие документами, у современных авторов превращаются в достоверный факт, беллетризуются, насыщаются подробностями. Так поступает, например, М. Казовский. Статью о Нечволодовых из «Лермонтовской энциклопедии» он разворачивает в самостоятельную историю: какие-то факты подает как рассказ героини, что-то представляет в виде поступков, действий персонажей. Но самое главное – авторы подобных произведений наделяют Лермонтова и людей XIX века не свойственным им типом мышления и поведения.

Во-первых, они «обытвляют» поэта, делая акцент, например, на физиологических деталях, гигиенических процедурах и натуралистических подробностях. Так, Казовский показывает Лермонтова в банях Тифлиса, а его приезд в Нижегородский драгунский полк описывает следующим образом: «Обустроившись, освежившись в тазике [!] (дядька Андрей Иванович поливал из кувшина), при этом охая от холодной колодезной воды, он поменял белье и сел к столу писать письма» [Казовский 2012: 21]. А когда поэт идет на «почту», то его взгляд фиксирует такую подробность: «...на брусчатке у почты живописно дымилась конские яблоки, над которыми сверкали изумрудными попками мухи» [Казовский 2012: 21]. Что дают эти детали для раскрытия характера или развития сюжета? Ровным счетом ничего. Более того, они рисуют картину, явно диссонирующую с описаниями окружающего мира в произведениях Лермонтова, в которых и проявился тип его

мышления, его восприятие действительности.

Во-вторых, современные беллетристы примитивизируют и тем самым опошляют поведение поэта и его современников, используя расхожие клише и штампы. У Казовского Лермонтов говорит, думает и поступает как опереточный герой, а не человек XIX века. Вот, например, как изображается реакция Лермонтова на известие о возвращении Святослава Афанасьевича Раевского в Петербург: «Лермонтов от радости сделал балетное антраша, чем весьма удивил слугу, а потом сказал:

– Славка Раевский приехал. То-то наговоримся!» [Казовский 2012: 181].

А сцена прощания с Эмилией Мусиной-Пушкиной после вечера у Валуевых также строится на растиражированных плохой мелодрамой штампах:

«– Не могу, не знаю... – вырвавшись, графиня устремилась на улицу.

Лермонтов бросился следом <...>

Он стоял на весенней улице, с неба сыпался дождь со снегом, и снежинки таяли на его горячем лице» [Казовский 2012: 177-178].

Эпизоды в этом романе чередуются по той же самой опереточно-мелодраматической логике: за любовной сценой, претендующей на то, чтобы называться лирической, как правило, следует эпизод прозаически-бытовой. Так, за приведенной выше аффектированной ситуацией прощания помещается эпизод, когда бабушка за утренним кофе с фуагра журит внука из-за его увлечения Мусиной-Пушкиной.

В массовой беллетристике логику поступка диктует не характер, а стереотип. Как принято изображать поэта? В моменты вдохновенного написания стихов и представления их восторженной публике, а потому в романе Казовского Лермонтов, вопреки свидетельствам мемуаристов, с готовностью и актерским мастерством в любой аудитории декламирует свои творения, а суровые офицеры вытирают скупую мужскую слезу, ценят в нем поэтический гений.

Таким образом, читателю предлагается биографическое повествование, основанное не на фактах, а на вымысле. По большому счету, от Лермонтова остается только имя, а общая канва его жизни превращается в отправную точку для авторского вымысла. И если фантазия М. Казовского не идет дальше воспроизведения готовых схем, то Е. Хаецкая дает ей полную свободу. В ее романе «Мишель» противоречия в характере поэта, нестыковки в документах, свидетельствах современ-

ников объясняются очень просто: Лермонтовых было два – Михаил и Юрий, демон и ангел, плохой и хороший, злой и добрый¹. А.Ю. Сорочан для обозначения такого типа повествования использует, вслед за Майклом Бентоном, термин «биомиография», «отражающий своеобразие биографий, в которых реальность уступает место мифу» [Сорочан 2014: 216]. И в случае с творчеством Е. Хаецкой, активно работающей в жанре фэнтези, этот термин мог бы быть оправдан, если бы в ее романе о Лермонтове, действительно, творился миф, а не создавалась реальность, основанная на ложном посыле. Тем более что опыт создания подобной «биомиографии» уже существовал, правда, остался незамеченным. В 1994 году вышел роман Овидия Горчакова «Если б мы не любили так нежно» («Исторический роман о Джордже Лермонте, родоначальнике русского рода Лермонтовых и его смутном времени»). Как следует из названия, в центре внимания – судьба легендарного шотландского предка поэта, оказавшегося на русской земле. Писатель, в прошлом разведчик, ставший прототипом майора Вихря, работал в шотландских архивах, Национальной библиотеке в Эдинбурге, изучал документы Шотландского генеалогического общества. Результатом многолетнего исследования шотландской ветви рода Лермонтов стало создание «Саги о Лермонтах», которая пока не нашла своего издателя, но роман о Джордже Лермонте до читателя дошел. Горчаков также многое додумывает, но в пределах исторического правдоподобия. Неизвестно, был ли предок Лермонтова в театре «Глобус», видел ли пьесы Шекспира, на самом ли деле стремился стать моряком, сбежал из дома из-за конфликта с учителем, но и хронологически, и фактически это было возможно. Это были те исторические обстоятельства и та культурная среда, которая формировала человека той эпохи. Другой интересный вариант «биомиографии» – повесть Б. Пильняка «“Штос” в жизнь».

А.Ю. Сорочан выделяет две возможные авторские стратегии при создании биографий писателя – «наваждение и преследование», когда «жизнь изображается либо как последовательность текстов, либо как последовательность фактов» [Сорочан 2014: 216]. Е. Хаецкая создает оба варианта лермонтовской биографии. Роман «Мишель» – это «наваждение». Местами он написан ярко и выразительно, особенно те фрагменты, в которых проступает литературный контекст. Так, история семьи Арсеньевых (судьба деда и матери), показана через гамлетовские аллюзии. Мария Михайловна – Офелия, которая погружается

---

¹ Подробнее об этом: [Сорочан 2014: 216-222; Юхнова 2014: 209-215].

в трагическое безумие, сливается с русским полем, срастается с цветами. В романе «Мишель» Е. Хаецкая по-своему объединила две взаимоисключающих тенденции в трактовке Лермонтова: «демоническую» и «героическую».

Документальное повествование «Лермонтов» – «преследование». Оно представляет собой компиляцию из документов, мемуарных свидетельств, фрагментов биографии Висковатова и работ лермонтоведов, а также пересказа произведений Лермонтова. Все это пропущено через сознание нашего современника, наделенного циническим умом и ироническим взглядом. Этим обусловлены многочисленные авторские комментарии. Так, рассказывая о докторе Майере, Е. Хаецкая упоминает историю про белую шляпу карбонария, присланную Бестужеву Полевым, и завершает ее таким пассажем: «Вообще история идиотская. Зачем Полевому потребовалось присылать карбонарскую шляпу? К чему вообще все эти обыски, следствие по делу о шляпе, заключение под арест за шляпу? В любом случае история говорит о характере доктора Майера». И такие комментарии возникают по разным поводам: в связи действиями, поступками людей XIX века, трактовками произведений Лермонтова советскими исследователями и др. Ничего не объясняя, они, однако, очень отчетливо указывают на «болевые зоны» современного лермонтоведения и свидетельствуют о том, что биография и творчество поэта нуждаются изучении на качественно новом уровне.

Документальная и художественная «биографии» поэта Е. Хаецкой между собой связаны. Провокативная концепция романа родилась из противоречий в свидетельствах современников, которые писательница фиксирует в документах. Так, основной сюжетный ход романа – наличие двух Лермонтовых – Михаила и Юрия – вырастает из того, что одна из мемуаристок указывает как год рождения поэта 1815. Эта неточность, а также рассказ Сушкой о недоумении Алексея Лопухина, который вечером сидел у постели больного Лермонтова, а потому не верил, что она танцевала с поэтом мазурку, разноречивые, прямо противоположные оценки личности поэта мемуаристами и т.д. – все это стало почвой для вымысла.

Таким образом, судьба Лермонтова стала самостоятельным литературным сюжетом, используя который, писатель вступает в диалог со своим временем. Биография поэта используется как форма самовыражения, представления своего взгляда на мир, на взаимоотношения личности с обществом, судьбой, универсумом. В современной массовой литературе отмечается всплеск интереса к личности и судьбе Лермонтова, однако при создании произведений о нем авторы игнорируют

принцип достоверности, реальные биографические факты становятся лишь основой для вымысла.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Д.А. «Демон». Тайна кода Лермонтова. М. : б/и, 2012.

Казовский М.Г. Лермонтов и его женщины: украинка, черкешенка, шведка. М. : Астрель, 2012.

Немзер А. «Затянувшаяся шутка» (О Павле Петровиче Вяземском и других «сочинителях» этой книги) // Вяземский П.П. Письма и записки Оммер де Гель. М. : Худож. лит., 1990. С. 3-12.

Папоркова Н.А. Диалог с традицией М.Ю. Лермонтова в стихотворении Игоря Меламеда «И ангелов я вопрошаю твоих...» // Альманах современной науки и образования. 2008. № 8. Ч.1. С. 147-149.

Папоркова Н.А. Значение поэтического наследия М.Ю. Лермонтова в творчестве Л.Н. Советникова // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. Т. 1.

Плисс А.А. Трансформация мотива пленения в произведениях русских писателей о Кавказе (на материале произведений «Кавказский пленник» А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого и «Кавказский пленный» В. Маканина) // Гуманитарные исследования. 2013. № 3 (47). С. 161-165.

Расторгуева В.С. «Герой нашего времени» в современной прозе // Филологический класс. 2009. № 21. С. 12-16.

Семенова А.Д. М.Ю. Лермонтов и В.С. Маканин: трансформация кавказского сюжета и реализация мифологемы горы в творчестве писателей // Уральский филологический вестник. (Серия «Русская классика: динамика художественных систем»). 2013. № 3. С. 221-227.

Сорочан А.Ю. Лермонтов «для детей» и Лермонтов «для взрослых»: Проблема конструирования биографии поэта в научно-популярных и художественных текстах // Лермонтов и история. Великий Новгород ; Тверь : Изд-во Марины Батасовой, 2014. С. 216-222.

Юхнова И.С. Лермонтов как литературный персонаж // Лермонтов и история. Сб. научн. статей. Великий Новгород ; Тверь : Изд-во Марины Батасовой, 2014. С. 209-215.

Юхнова И.С. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в массовой культуре // Уральский филологический вестник. (Серия «Русская классика: динамика художественных систем»). 2013. № 1. С. 77-84.